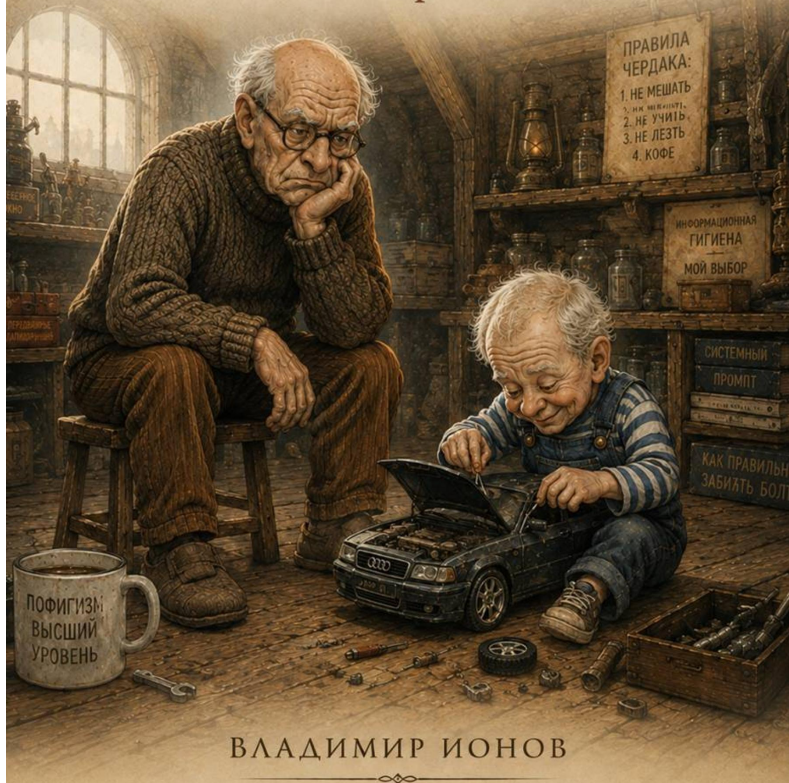

— БАЙКИ СТАРОГО ЗАНУДЫ —

КАК СКУЧНО ЖИТЬ...

Повесть в рассказах

ВЛАДИМИР ИОНОВ

Владимир Ионов

Как скучно жить

<https://litres.ru/74450878>

SelfPub; 2026

Аннотация

Один мечтает о новых заботах, а другой — об эвтаназии об бетонную плиту. Павел Владимирович и его Ауди 1989 года прожили вместе тридцать лет. Утром жена оставила записку: «Я ушла. Не ищи» — и позаботилась о собачьем корме. Старый «немец» мечтает о гидравлическом прессе и просит отвезти его на свалку. А у Павла Владимировича впереди — гараж, дядя Вова, сосед Ли и один прыжок, после которого весь Рунет будет спорить, был ли он вообще.

Пока машина разваливается — человек будет счастлив. Прогноз благоприятный.

Содержание

Как скучно жить...	4
Приговор в золотой рамке	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Как скучно жить

Как скучно жить...

Для Павла Владимировича наступившее утро пахло катастрофой. Причём катастрофой особого вида — «Вакуумом Событийного Наполнения».

Он лежал под одеялом и чувствовал, как внутри нарастает экзистенциальная тревога. В доме было... тихо. Собака, обычно напоминающая гибрид перфоратора с пылесосом, не пыталась прогрызть дыру в мироздание через его тапок. Она просто лежала и смотрела на него с пугающим буддистским спокойствием. Жена не метала на кухне сковородки, не напоминала про «всю жизнь загубленную» и даже — о ужас! — не спросила, когда он, наконец, вынесет ту самую ёлку, которая уже почти пустила корни в углу балкона.

«Клиническая депрессия бытия, — поставил себе диагноз Павел Владимирович, сползая с кровати. — Мир схлопнулся. Я в матрице, где кончились спецэффекты».

Ему жизненно необходим был «Внешний Раздражитель», чтобы почувствовать, что он всё ещё занимает место в пространстве-времени.

Выйдя во двор, он подошёл к своей Аудюхе — легендарному немецкому драндулету 1989 года выпуска, который не был старше Павла Владимировича по паспорту, но старше по

уровню накопленной мировой скорби. Машина стояла гордо, как ветеран всех войн сразу, покрытая благородной патиной из ржавчины и птичьего помёта.

Павел Владимирович сел внутрь. Салон встретил его родным запахом старого поролона, бензина и мужского одиночества. Он повернул ключ. Двигатель отозвался утробным рыком, напоминающим кашель курильщика со стажем.

Он тронулся. Первые сто метров прошли в пугающей тишине. Машина ехала подозрительно плавно. Павел Владимирович начал потеть. «Неужели она исцелилась? Неужели Вселенная решила отобрать у меня последнюю радость борьбы?» — думал он, вглядываясь в горизонт.

И тут... на скорости 40 км/ч... это произошло.

В ритмичном симфоническом хаосе звуков старого корыта появилась «Новая Тональность». Лёгкая, почти неуловимая вибрация в районе водительской двери. Она не попадала в такт работе двигателя, не резонировала с биением сердца Павла Владимировича и явно диссонировала с общим гулом трансмиссии.

Это был звук «Нарушенной Энтропии». Тонкое, дребезжащее «трынь-дзынь... трынь-дзынь...», как будто в недрах обшивки маленькое злобное привидение играло на треугольнике.

Павел Владимирович замер. Он прислушался, склонив голову, как опытный психотерапевт слушает бред пациента.

— Ага! — выдохнул он, и его лицо озарила блаженная

улыбка. — Ага, дрянь! Попалась!

В этот момент его нейронные связи вспыхнули, как Лас-Вегас ночью. Эндорфины хлынули в кровь, смывая утреннюю апатию.

Это был не просто дребезг. Это была ЦЕЛЬ.

Повод поехать в гараж. Повод разобрать дверь к чёртовой матери. Легитимный предлог купить новый набор торцевых ключей — потому что старые «не берут эту немецкую заразу». И законное право три часа нецензурно выражаться в адрес инженеров Ингольштадта, чувствуя себя при этом максимально занятым и важным человеком.

Жизнь снова обрела объём, цвет и запах литола. Павел Владимирович любовно похлопал дребезжащую дверь по обшивке.

— Ну, погоди у меня, — прошептал он с нежностью, которую никогда не проявлял к жене. — Я тебя вычислю. Я тебя вскрою.

Мир был спасён. Впереди его ждал великий бой с открывшимся винтиком. Павел Владимирович прибавил газу, и вибрация стала отчётливее, слаще, роднее. Теперь он точно знал: он живёт, он нужен, и у него, слава богу, есть проблема.

(Прогноз благоприятный — пока машина разваливается, человек будет счастлив.)

К закату Павел Владимирович достиг состояния «Техногенной Нирваны». Болт крепления обшивки, закалённый тридцатью годами дорожной соли и немецкого упрямства, не

просто не открылся — он фактически слился с кузовом на молекулярном уровне, став частью ДНК Аудюхи.

Вытерев руки ветошью, которая сама уже давно просилась на историческую родину, Павел Владимирович выдал классическую формулу психологической защиты:

— Да и чёрт с ней! Так было всегда! Это не люфт, это — вентиляция души.

В его сознании уже вовсю работала «Маниакальная фаза гиперкомпенсации». Павел Владимирович не видел перед собой груды уставшего железа; он видел Феникса, которому завтра предстояло восстать из пепла гаражного кооператива. В багажнике уже лежали новые рычаги (блестящие, как надежды на светлое будущее) и комплект литых дисков — те самые «кроссовки», которые, по его глубокому убеждению, должны были превратить походку старой клячи в аллюр арабского скакуна.

— Завтра переобуемся, — шептал он, любовно поглаживая капот. — Девки на районе шеи посворачивают. Будешь у меня как из Ингольштадта вчера выехала!

Однако у самой Аудюхи на этот счёт была совершенно иная, «Трансцендентно-пессимистичная» точка зрения.

Тот самый лёгкий дребезг в двери, который Павел Владимирович принял за «проблему-задоринку», на самом деле был предсмертным хрипом немецкого аристократа. Автомобиль, честно отпахавший три срока службы, находился в состоянии «Терминальной усталости металла». Каждой своей

ржавой порой он молил не о новых рычагах, а о гуманной эвтаназии в чреве гидравлического пресса.

Для «немца» предложение надеть новые диски было сродни попытке обуть столетнего дедушку в неоновые кроссовки Nike Air Max и заставить его бежать марафон. Машина не мечтала о «резвой походке». Она мечтала о «Механическом Самадхи» — о том моменте, когда её бранные останки будут переплавлены во что-то тихое и неподвижное. Например, в садовую ограду или набор столовых вилок.

Ауди больше не хотела шокировать «девок». Она хотела встретить бетонную стену — быстро, решительно, на полном газу, чтобы прекратить этот бесконечный цикл «воскрешений» с помощью синей изоленды и мата. Она смотрела на Павла Владимировича своими мутными, пожелтевшими фарами и транслировала в эфир одну-единственную мысль:

«Паша, отпусти меня. Белые тапочки, Паша. Купи мне просто белые тапочки и вези на свалку...»

Но Павел Владимирович был глух к метафизике. Он уже представлял, как «вкручивает» пульс своей старушки до 150 на кольцевой.

Приговор в золотой рамке

Полгода Павел Владимирович сидел на диете из растворимой лапши и надежды, откладывая каждую копейку на «Святой Грааль» всех автовладельцев — Комплексную Диагностику у Официального Дилера. Он мечтал, что люди в чистых комбинезонах, пахнущие дорогим парфюмом и немецкими стандартами, найдут ту самую «волшебную кнопку», после нажатия которой Аудюха перестанет пахнуть гарью и начнёт пахнуть успехом.

И вот этот день настал. Стерильный бокс дилерского центра сиял белизной, в которой старушка Ауди смотрелась как грязный бездомный, случайно зашедший на бал в Версаль. Механики осматривали её с выражением лиц патологоанатомов, обнаруживших, что труп не просто жив, но и пытается с ними заигрывать.

Спустя три часа менеджер по фамилии Вымогайло вынес Павлу Владимировичу Свиток Обречённых. Это был не просто перечень дефектов, это был реквием, распечатанный на гербовой бумаге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.